

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ КНИГИ А. РЕМИЗОВА
“ТРАВА МУРАВА”

О. А. Линдеберг

Сборник легенд, притч и повестей А. Ремизова “Трава мурава” вышел в свет в издательстве С. Ефрона в Берлине в 1922 году.¹ Он состоит из 19 текстов: “Святая Великая Божия Церковь София Премудрость”, “Приносущное Слово”, “Имя и страж”, “Литеры пророчественные”, “Лей иконописец”, “Отрок Финогенов”, “Мария Египетская”, “Милый братец”, “Авраам”, “Царь Соломон”, “Аполлон Тирский”, “Царь Аггей”, “Дар рыси”, “Царица Майдона”, “Город обреченный”, “Три брата”, “Дела человеческие”, “Последний царь”, “Царство ангелов”, “На земле мир”. Все они являются так называемыми “переделками” древнерусских произведений. Тексты создавались в 1914-1917 годах и тогда же были впервые опубликованы в периодической печати.

Как и другие подобные сборники Ремизова, “Трава мурава” должна была выйти в сопровождении авторских примечаний, включающих список использованных материалов и источников. Эти примечания, обнаруженные несколько лет назад А. М. Грачевой в парижском архиве Ремизова (Собрание Резниковых), по неизвестным причинам не были опубликованы в книге. Они представляют собой полностью подготовленную к печати наборную рукопись рукой Ремизова, в частности, на листах имеется типографская разметка шрифтов. Это говорит о том, что примечания были исключены из книги на последнем этапе ее подготовки. Можно только предполагать, почему этот раздел не вошел в окончательный текст книги. Вероятнее всего, что Ремизову не удалось убедить берлинское из-

¹ Ремизов А. Трава мурава. Сказ и величание. Берлин, изд. Ефрон, 1922. 192 с.

дательство в необходимости авторских примечаний.² Однако историко-литературный анализ книги убеждает в обратном.

Как и во многих других книгах, примечания в “Траве мураве” играют значительную роль, несут не только источниковедческую, но и эстетическую функцию. Ее рассмотрение и является целью нашего исследования. Если для повестей “Авраам”, “Царь Соломон”, “Царь Аггей”, “Аполлон Тирский” и произведений, основанных на житиях святых, выявление их источников – дело относительно несложное, то для другой группы текстов отсутствие авторских комментариев значительно затрудняет работу исследователей. В отдельных случаях без указаний Ремизова невозможно было бы догадаться о существовании конкретных источников. Так, основа повести “Милый братец” – исследование иеромонаха Алексия (Кузнецова) “Юродство и столпничество” (1913),³ а также цикл картин Николая Рериха, посвященных святому блаженному Прокопию Устюжскому (1914). Сюжет легенды “Дела человеческие” был также навеян одноименной картиной Н. Рериха (1914 г.), а сюжеты “Города обреченного” и “Царства ангелов” – его же картинами “Град обреченный” (1914) и “Сокровище ангелов” (1904).⁴ Источником сказаний “Царица Майдона”, “Три брата”, “Последний царь” послужили изданные в 1881 г. Макушевым “Южнорусские сказания”, восходящие к “Откровению Мефодия Патарского”.⁵

Среди произведений сборника “Трава мурава” особое внимание хочется уделить группе произведений, связанных общей темой – создания и прославления храма святой Софии в Царьграде. К ним относятся: “Святейшая Великая Божия Церковь София Премудрость”, “Присносущное Слово”, “Имя и страж”, “Литеры пророчесственные”, “Лей иконописец”, “Отрок Финогенов”, “Мария Египетская”. С самого начала эти произведения задумывались как единый цикл. О работе над ним Ремизов сообщил И. А. Рязановскому 18 ноября 1914 г.: “Как я Вам буду благодарен за

² В настоящее время текст книги с примечаниями опубликован: Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 6. Лимонарь. М. 2001. Подготовка текста и комментарии О. А. Линдеберг.

³ Иеромонах Алексей (Кузнецов). Юродство и столпничество. Изд. типогр. В. Д. Смирнова, СПб. 1913.

⁴ Рерих Н. К. Град обреченный. Темп. 1914, опубликовано: Николай Константинович Рерих, с. 167; Рерих Н. К. Сокровище ангелов. 1905, опубликовано: там же, с. 67; эскиз к картине “Сокровище ангелов”, 1904, опубликовано: там же, с. 51.

⁵ Макушев В. Южнорусские сказания по рукописи библиотеки Оссолинских в Львове // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1881, кн. IX, с. 96-103.

присылку сказаний о взятии Царьграда. Очень трудное время настало – единственная надежда на такие сказания, их напечатают”.⁶

Сказания о царьградских святынях несомненно имели актуальное значение в момент начала Первой мировой войны, когда в русском обществе вновь воскресла давняя мечта о завоевании Константинополя и освобождение бывшего центра православия – “Второго Рима” – от “неверных”. Но для Ремизова работа над циклом имела не только и не столько конъюнктурное значение. Она была непосредственно обусловлена дальнейшим развитием основной темы его творчества 1910-х годов – темой исторической судьбы России, русской философии истории, одной из существенных доминант которой была идея “Третьего Рима”. “Царьградские сказания” были закончены в конце апреля 1915 года и появились в печати в нескольких номерах журнала “Лукоморье” за 1915-1916 годы. Намереваясь издать уже готовые сказания отдельной книгой, Ремизов спрашивал Рязановского: “Подумайте, как это устроить: Софийскую книгу”.⁷

Цикл Сказаний о Царьграде отличает необыкновенно обширный круг источников, который невозможно было бы выявить полностью без авторских указаний. Их список насчитывает не менее 12 наименований, причем как изданий памятников древнерусской литературы, так и научных трудов по иконографии, истории Византии и т. д. Например: Летописи русской литературы и древностей. М. 1859, кн. 3; Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, СПб. 1849, т. II, кн. 8; Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. И. Срезневского. СПб. 1874, т. XII, № 1; Ф. И. Успенский. История Византийской империи. СПб. 1914, т. I; Н. В. Покровский. Памятники иконографии и искусства. СПб. 1900; Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. СПб. 1911 и Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб. 1900.

Остановимся подробнее на книге, наиболее часто и широко использованной Ремизовым при создании цикла. Имеется в виду издание Павла Савваитова (1872 г.) – “Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия”.⁸ Книга эта состоит из текста “Путешествия”, опубликованного по списку XV в. с параллельным подробным комментарием, вступительной статьей издателя и приложениями. В пер-

⁶ РНБ. Ф. 634. Ремизов. № 32, л. 4.

⁷ Там же, л. 44.

⁸ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII-го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. Издание археологической комиссии. СПб. 1872.

вом приложении приводится план Царьграда с указанием частей города; холмов, на которых он расположен; церквей; монастырей и других достопримечательностей; а также перечислены все ворота в городской стене, причем указаны их греческие и турецкие названия. Второе приложение содержит план и изображение внутреннего вида храма святой Софии, дополненное кратким изложением истории его строительства.

Внимательное прочтение текста “Царьградских сказаний” дает основание утверждать, что Ремизов подробно изучил это издание, в результате чего был детально осведомлен о достопримечательностях города и храма и использовал эти знания в своей работе. Подтверждением тому служит автограф из собрания ГЛМ – сделанная Ремизовым копия плана Царьграда из этого издания.⁹ Использовал он и подробную карту Царьграда из “Истории Византийской империи” Ф. И. Успенского. Карты и планы, как и другой иллюстративный материал, являлись необходимым “инструментом” для написания Царьградского цикла. О том, что Ремизов широко использовал топографические источники в процессе своей творческой работы свидетельствует и следующий факт. В поздней книге воспоминаний “Мышкина дудочка” (1952) он писал, что в его комнате на улице Буало в Париже в 40-е годы висела карта: “желтая Сирия – память моих занятий по истории Византии, когда писал Легенды о Николе”.¹⁰ Как отмечает А. М. Грачева в монографии “Алексей Ремизов и древнерусская культура”:

Ремизову изначально был присущ пластически-визуальный метод изучения, творческой “аккумуляции” и “имплантации” “чужого” текста в “свое” художественное сознание.¹¹

Изучая карту, писатель, как бы мысленно, “вживался” в пространство древнего города, становился “свидетелем” происходивших там событий, что помогало ему найти особо проникновенную интонацию, когда события давно прошедших времен описывались с эмоциональностью очевидца. Именно эта особенность творческого метода писателя способствовала столь яркому и “реалистичному” изображению эпизода явления ангела мальчику, герою рассказа “Имя и страж”.

Далеко ему было видно по заре по вечерней – весь Воспор горел золотой до Русского моря, и златорогий Суд огоньками рябил золото-красными,

⁹ ГЛМ. Ф. 19. ОФ. 3482.

¹⁰ Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж 1953, с. 130.

¹¹ Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб. 2000, с. 99.

золото-синими и зелеными до святого Мамы и за Мамонтову церковь до самых рогов [-], и плыли корабли алые вдоль берега по морю Мраморному мимо Яблонových ворот от Одигитрии, уносили с собой зарю – – .¹²

В тексте создавалась иллюзия присутствия автора рядом со своими персонажами на стене строящейся церкви, когда перед ним как бы “воочию” открывалась круговая панорама вечернего Константинополя.

В рассказе “Литеры пророчественные” пластически-визуальный метод помог Ремизову воссоздать достоверную картину воскресающего по ночам древнего города. Рассказчик [...] бродил по улицам Царьграда, поклонялся знаменитым святыням “по стопам [...], по камушкам [...] первых русских паломников”.

Разумеется, прежде всего сами тексты литературных памятников давали Ремизову обильную пищу для работы над Царьградским циклом. Так из “Путешествия новгородского архиепископа Антония” писатель позаимствовал сюжеты византийских легенд для рассказов “Лей иконописец” и “Отрок Финогенов”. В первом случае скупой рассказ источника об иконописце, который услышал глас, исходивший от написанного им образа, под пером Ремизова превратился в психологическое повествование о муках творчества, которые испытывает художник.

Другой рассказ “Имя и страж” основан на византийской легенде о чуде явления ангела, изложенной в “Сказании о создании церкви св. Софии”.

В “Отроке Финогеновом”, как и в рассказах “Лей иконописец”, “Имя и страж”, писатель, заимствуя сюжетную схему из древнерусского источника, облекал ее живой плотью, внеся собственную интонацию, распространив пространство повествования, психологизировав образы героев.

Сюжет ремизовской легенды “Мария Египетская” взят писателем из Великих Миней Четиих, напечатанных в Памятниках славяно-русской письменности. В “Великих Минях Четиих” на 1 апреля помещено два жития “Марии Египетской”: краткое и распространенное. Первое из них (краткое) скупое повествует о жизни, покаянии, духовном перерождении и молитвенных подвигах в заиорданской пустыне бывшей блудницы. Второе, надписанное “Софронием, архиепископом иерусалимским”, обрамлено детальным повествованием о жизни и духовных исканиях благочестивого старца Зосимы. Текст Жития распространен обширными диалогами Марии и старца Зосимы и многими подробностями жизни и духовного опыта Марии. Ремизов использовал лаконичность, внутреннюю емкость первой редакции, а также ее композиционное строение, и форму повествования

¹² Ремизов А. Собрание сочинений. Т. 6. Лимонарь, с. 102.

от третьего лица. Из второй редакции Жития Ремизов заимствовал некоторые сюжетные детали, отсутствующие в краткой редакции. А именно, слова, услышанные Марией в церкви, эпизод с милостыней, данной ей “единым человеком”, купленные ею на дорогу три хлебца, умывание в водах Иордана и переправа через реку, рассказ о смерти святой в страстной четверг. И здесь, перенимая интересующие его сведения из текстов древнерусских произведений, Ремизов по-своему интерпретировал их, подчинив своему художественному замыслу.

Аналогичный случай представляет собой использование древнерусского источника в рассказе “Имя и страж”. Здесь упомянутый в “Путешествии новгородского архиепископа Антония” “святой Леонтей поп Русин [...] велик человек [...] 3-жды во Иерусалим пешь ходил”¹³ под пером Ремизова превратился в строителя Софийского храма десятника Игнатия: “верный был царю человек Игнатий Непрович и божественный, – трижды из Киева в Иерусалим пешь ходил!”¹⁴ Подобные примеры в ремизовских текстах Царьградских сказаний встречаются неоднократно.

Материалом для написания ремизовских сказаний служили не только тексты литературных памятников, но и примечания их издателей. В частности, многое писатель почерпнул из примечаний Павла Савваитова к “Путешествию новгородского архиепископа Антония”. Их использование могло принимать характер литературной игры. Так при описании храма святой Софии в рассказе “Отрок Финогенов” упоминается “придел Петра и Кодина”.¹⁵ Любая попытка разыскать святого Кодина, каким-то образом связанного с апостолом Петром, естественно, не принесла бы результатов, так как перед нами – излюбленный Ремизовым прием литературной мистификации. В примечаниях П. Савваитова есть такая фраза: “Согласно с нашим паломником определяет положение придельной церкви апостола Петра и Кодин” (стб. 63).¹⁶ В тексте “Отрока Финогенова” Ремизов лукаво присоединил к названию церковного придела имя Кодина, исследователя древнего Константинополя, трансформировав его в имя византийского святого.

Писатель использовал комментарии к литературным памятникам для углубления своих представлений об исторических реалиях. В рассказе

¹³ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в XII-м столетии. Стб. 142.

¹⁴ Ремизов А. Собрание сочинений. Т. 6, с. 102.

¹⁵ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в XII-м столетии. Стб. 63.

¹⁶ Ремизов А. Собрание сочинений. Т. 6, с. 101.

“Имя и страж” следующий фрагмент близко к тексту повторяет сведения из предисловия К. Герца и Ф. Буслаева к “Сказанию о создании церкви св. Софии”: “Из царских палат сделан был ход на леса, и всякий день, лето и зиму, царь в платье нецарском навещивался на постройку” (с. 101).

В заключение можно сделать следующие выводы: для работы над Царьградским циклом Ремизов привлек широкий круг материалов.

Общие сведения о Константинополе времени императора Юстиниана он черпал из научных исследований по истории и археологии Византии.

Сюжеты византийских легенд писатель использовал для создания собственных произведений, облакая их живой плотью и передавая им свою особую “ремизовскую” интонацию.

Записки древнерусских паломников послужили Ремизову как для пополнения знаний о византийском средневековье, так и для создания особой атмосферы авторского “присутствия”.

Научные примечания к изданиям литературных памятников были широко применены им в качестве источника текста, причем иногда эти заимствования могли принимать характер литературной игры.

Разнообразные иллюстративные материалы (карты, планы, рисунки) стали основой для творческого погружения в атмосферу определенной исторической эпохи.

На обширной источниковедческой базе возникло новое идейно-композиционное единство – ремизовский цикл сказаний о сердце “Второго Рима” – Святой Софии – одном из пленительных и опасных миражей русской культуры.

